



НИКОЛАЙ АМОСОВ

ПГГ-2266

Записки полевого
хирурга



Николай Михайлович Амосов

ППГ-2266, или Записки

полевого хирурга

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55046452

ППГ-2266, или Записки полевого хирурга: Диалектика; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-907114-09-8

Аннотация

Книги, подобные этой, встречаются нечасто – в ней отражен взгляд на Великую Отечественную войну глазами молодого, совсем недавно окончившего мединститут военно-полевого хирурга. Да, именно таким молодым и еще неопытным врачом был в 1941 году будущий академик, светило медицинской науки, Николай Михайлович Амосов: в начале войны его призвали в армию и назначили хирургом в передвижной полевой госпиталь. В этой книге вы найдете воспоминания о буднях этого госпиталя, в котором автор прошел всю войну – от битвы под Москвой, через Сталинград и Курск, до взятия Кенигсберга и боевых действий в Манчжурии. И воспоминания эти совершенно искренние и неприкрашенные, о трудностях и страданиях, о достижениях и потерях, о поисках и разочарованиях, – чаще всего спокойные, иногда ироничные или печальные. Это совершенно необычный

для нашей военной прозы взгляд на войну. Здесь нет привычного пафоса, подчеркнутого героизма, ярких личностей, зато есть прямота и честность, критические замечания и откровенные сожаления, но при этом ясно прослеживается общий позитивный взгляд Амосова на жизнь и людей, его вера в силу духа отдельного человека и всего народа в целом. Эта книга – рассказ от первого лица, из нее вы узнаете, как все было на самом деле. И поймете, что каждый, прошедший войну, – уже герой, не важно, стрелял он на передовой, оперировал раненых или стирал бинты в госпитале.

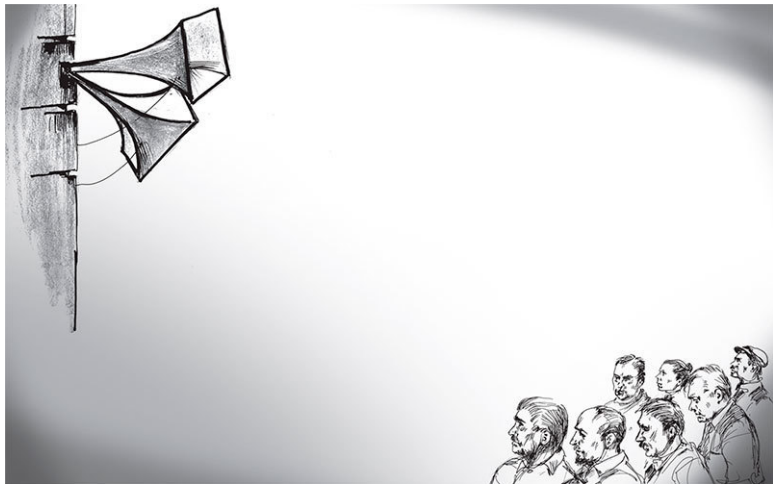
Содержание

Глава первая. Начало	6
Глава вторая. На войну	13
Глава третья. ГЛР	30
Глава четвертая. Опять дорога	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Николай Амосов
ППГ-2266, или Записки
полевого хирурга

© ООО «Диалектика», 2019

Глава первая. Начало



Через темные сени я вхожу в большую комнату, совсем пустую. Жалкая мебель, комод с фотографиями, над ним на стене рупор. Конец фразы диктора:

– ...Молотов...

И дальше – речь: «Граждане и гражданки Советского Союза. Сегодня в 4 часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы...»

Война... Война!

Все сразу изменилось. Вспомнилось: в старой киноперематке остановилась пленка. Пат и Паташон в молчании застыли на экране в нелепых позах. Потом с краю вдруг поползло грязно-розовое пятно, пожирая пространство и героев. Секунды тишины – и крик: «Пожар!»

И нет уже фильма, смешных героев, мыслей, пожатий рук, теплоты плеча в полумраке... Паника. Мысль: «Спокойно! Не потерять лица». Да. Не потерять.

Я пришел в этот дом, чтобы навести справки о своих сводных братьях. Отец бросил нас с мамой и сестрой, женился 10 лет назад и умер, оставив двух мальчиков. Обиды забылись, осталось любопытство: «Какие они, эти ребята? Может, помочь им?» Долго собирался – и так неудачно.

Тихо в городе. Домики дремлют под липами. По деревянным тротуарам изредка простучат каблук девчонки. Иногда из окон слышится радио – музыка... «Была ли речь-то?» Была.

Обманчивая тишина. Те, кто слышал речь, уже горько думают. Но не все еще и знают. Мысли по инерции еще бегут по старым дорожкам, но натыкаются на острое. О больших... Вчера прооперировал старика с ущемленной грыжей. Поздний случай, с резекцией кишки. Нужно пойти посмотреть. Возможен перитонит. «Хирургии теперь будет – сколько угодно!»

Вчера был трудный вечер. Хорошо быть молодым, холостым, сильным... Год назад я разошелся с Алей. Спокойно

разошлись, по-хорошему. Прожили шесть лет. Любовь была какая! А потом прошла. Детей не было...

Еще – наука. Хороший был год – сбежал от рутины и скуки аспирантуры, теперь думал, о чем хотел. Теория регулирования жизненных функций. Регулирующие системы организма. Регулирование клетки. Теория психики. Сложные схемы поведения... Понять, хочу понять, чтобы вмешаться. Для этого – математика, физика. Я – инженер и врач, мне доступно. «Теперь придется все бросить... Некогда будет думать». Да и бросать-то нечего. Багаж маловат. За год аспирантуры сменил три кафедры и, наконец, сбежал. Никаких научных работ и конкретных тем. Только тетрадошки с «теориями». Смешно...

Пошел в больницу. За полчаса город уже изменился. Суета, тревога. Женщины спешат с кошелками, у магазинов – очереди. Мужчин не видно. Наверное, дома, последние часы. «Явиться через два часа после объявления всеобщей мобилизации по адресу...» По радио все еще музыка. Но вот-вот местный диктор объявит: «Приказ...»

Наша межрайонная больница построена на окраине. В вестибюле много посетителей. Обычно в воскресенье здесь довольно приятно. Выздоровливающие выходят к родственникам, радостно улыбаются, что-то говорят и тут же на скамейках закусывают. Или выходят в садик. Сегодня только плачут.

Девушка-санитарка дает мне халат и сообщает: «Борис

Дмитриевич наверху».

Вот он сидит в коридоре за столом и пишет. Сухой, высокий старик, седина ежиком. Б.Д. Стасов, племянник Владимира Васильевича Стасова. Человек – отличный, доктор – хороший, а хирург – средний. Я так считаю и только чуточку сомневаюсь – могу ли судить? (Стаж у него – лет сорок, у тебя – неполных два.) Немножко поговорили о войне, о больных, и меня вызвали в военкомат.

У военкомата, на углу Советской и Энгельса, оживленно. Толпится разный народ, мужчины военные и в гражданском. Даже стоит легковая машина. Их в нашем городе всего три штуки. Часовой. Свежий приказ на двери. Чернеют слова: «Всеобщая мобилизация».

Майор распорядился:

– Пойдете во вторую школу на призывной пункт хирургом в комиссию. Сейчас.

2-я школа новая, четырехэтажная – украшение Череповца. Пока здесь относительно тихо. Врачи уже в сборе. Я знаю их всех: терапевт, глазник, отоларинголог, невропатолог и я – хирург. Начальник пункта, толстый подполковник, предупредил:

– Товарищи врачи, судите строго и ответственно. Я знаю ваши штучки – направлять на консультацию, обследования. Этого не нужно. Времени нет. За два дня мы должны отмобилизовать наши контингенты.

Мы рассаживаемся в двух кабинетах. С четырех часов по-

шли мобилизованные. Регистратура выдавала нам их карточки или просто военные билеты. Солдат вызывают из коридора по фамилиям, секретарь проверяет, когда проходил медкомиссию. Если давно – посылает к врачам, если недавно – спрашивает:

– Здоров? Служить можешь?

– Могу.

Штамп – и конец. Принят.

Вот они идут передо мной – защитники Отечества. От 20 до 35. Колхозники из пригородных деревень. Рабочие нашей промышленности – лесопилки, пристаней, леспромхоза, мелкие служащие – их теперь много в районе и городе, сапожники и портные из артелей. Они мне знакомы – по больнице, по прошлым переосвидетельствованиям, просто по улице. Плохо одетые, но не запущенные, в чистых рубашках.

Так уж повелось на Руси: в большинстве – худые. Хмурые. Слов не говорят. Собрались на тяжелую работу. Нужно. Надо идти. Они раздеваются у входа в класс, в загородке из скамеек. Кладут на пол свои холщовые мешки или фанерные чемоданчики, снимают латанные сапоги или матерчатые туфли, брюки и пиджаки из «чертовой кожи», домотканые холщовые порты и подходят к доктору, прикрывая ладонями стыдные места.

Голый человек совсем безоружен. Он даже соврать боится, если, конечно, опыта не имеет.

– Ну, так что болит?

– Да так, ничего, к погоде плечо грызет, перелом был.

Ему 35 лет, трое ребят и беременная жена. Руки от работы будто покрыты дубовой корой. Он робко говорит свои жалобы, чуть-чуть надеется, что доктор найдет какой-нибудь огрех в его теле и отпустит домой.

Я смотрю на его руку, проверяю силу и объем движений в суставах. Потом слушаю его грудь – без капли жира и с четкой границей коричневого загара на шее. Слушаю больше для порядка, он здоров.

– Все у вас хорошо. Нужно служить.

– Служить так служить. Как все, так и мы.

Пошел одеваться, будто с облегчением. Молодой парень, с чубом, с улыбкой всеми зубами.

– Не, не служил. Порок сердца признавали, отсрочивали. Да я здоров, доктор, здоров! На лесопильном работаю. На фронт надо, фашистов бить.

Послушал сердце и написал: «Годен к строевой службе».

Попадаются и такие, что симулируют. Наивно, большей частью без особых надежд на успех.

Часам к семи вечера народ пошел густо. Очередь шумела в коридоре. Выпившие попадались все чаще и чаще. Совсем пьяных отсеивали в регистратуре – складывали в один класс, вповалку, чтобы проспались. Без особых придинок. Тех, кто уже прошел комиссию, собирали в другой класс, а как накопится взвод, строили на дворе и – в запасной полк – или

прямо на вокзал.

Из открытых окон видно, как вокруг разрастается целый лагерь. На телегах и на земле сидят бабы, дети и мужики компаниями, беседуют, едят, выпивают. Это из колхозов приехали, кто подальше. Изредка песни слышатся, чаще всего из фильмов. Когда из задних дверей школы выводят очередной взвод, все кругом подхватываются и кидаются к школе: посмотреть своих и провожать – совсем, на войну. Женщины бросаются прямо в ряды, все мешается. Старшины, что отводят новобранцев, кричат охрипшими голосами, оттаскивают особо мешающих.

Взвод отправляется вдоль Советского проспекта... Мужчины держат за руки детей, жены виснут у них на плечах, другие – скромные – идут поодаль. Шум, возгласы, рыдания. Изредка слышны лозунги:

– Смерть фашистам!

Потом женщины будут возвращаться домой, одинокие, растерянные – к новой жизни; солдатки...

Отец мой пошел на войну в августе 1914 года, когда мне было восемь месяцев. Мама рассказывала, как провожала его из деревни в Череповец, и, наверное, также стояла около пункта и плакала. А потом возвращалась на пароходе в семью своей свекрови, старухи жесткой и жадной...

К двум часам рассвело, и сняли одеяла с окон, но работа остановилась. Людской поток иссяк. Вот и кончился наш первый день войны. А что там, на фронте?

Глава вторая. На войну



Сегодня мы едем на фронт! Нужно, нужно ехать, активно действовать, вмешаться, остановить... Просто невысказанно слышать эти сводки с недомолвками. Что значит – Минское направление? А город Минск? А города до него? Что с ними? Где фронт? Как там? Почему? Нет покоя от вопросов. Спасибо этому анонимному, умному, эрудированному, опытному ленинградскому хирургу, что не приехал и дал мне шанс. Я – начальник хирургического отделения полевого подвижного госпиталя номер 2266! Это – звучит. Правда, есть приписка: «На конной тяге», но это пустяки. Я не

боюсь ответственности. Нет, я все сделаю, как надо. Опыт? Да, очень мал. И двух лет не прошло после института, минус перерыв три месяца – писал дипломный проект в индустриальном. Знаний у меня мало. Но есть Здравый Смысл. Это не очень часто встречается. То есть я просто не сомневаюсь, что справлюсь с этим ППГ.

Начальник неплох. Хаминов, Борис Прокопьевич, военный врач 3-го ранга. Одна шпала. Физиономия у него внушительная – второй подбородок, но на воротнике лежит жестковато. И животик при высоком росте и осанке тоже кажется жестким. Посмотрим.

Какими тягостными были эти дни... Утром 23-го на призывном пункте я слушал первую сводку: «Противнику удалось занять Кальвотин, Стоянут...»

А вчера утром все изменилось. Вызвали из больницы в военкомат. Дежурный сказал:

– Пойдете на улицу Коммунистов, 5. Там формируется полевой госпиталь. Поговорите с начальником.

Пришел, представился:

– Я врач Амосов.

Вижу – разочарование. Я молод, худ, невысок. Усадил и начал расспрашивать. Выглядело, наверное, слабо: кончил в 39-м, восемь месяцев аспирантуры, сменил три кафедры, сбежал, сделав всего несколько грыжесечений и аппендэктомий, потом хирург-ординатор здесь, в Череповце. Делал всю экстренную хирургию. Да десятка три лапаротомий (лапаро-

томия – разрез брюшной полости). Да, еще резекции кишечника, две резекции желудка. Травму знаю – гипс, вытяжение. Все-таки три месяца был в травматологии. Гнойную хирургию – да, знаю. Все знаю! Уверен. Но я говорил скромно. Упомянул о двух дипломах с отличием. Холостой, бездетный. Беспартийный. Сменой на электростанции командовал три года. Хорошо командовал. Начальство и подчиненные уважали.

Глаза у Хаминова карие, навывкате. Большая бородавка на щеке.

– Я беру вас начальником хирургического отделения. Не скрою, хотелось бы большего, но нет и негде взять. Должен был из Ленинграда отличный хирург приехать, но нет его. Видимо, перехватили.

Так я попал в ППГ. Хаминов взял и второго нашего ординатора, Лину Николаевну. Не знаю, хорошо это или плохо? Мы ссорились на службе, но понимали все с полуслова. Работник она хороший – мне для будущей работы очень нужный. Вот если бы не эта дружба! Накладывает все-таки обязательства... Нет, лучше бы она осталась дома! Да, Лизу, знакомого терапевта, тоже взяли. Добрая девушка! Прошел еще день в сборах и прощаниях, и вот уже на вокзале – грузимся, знакомимся. Комиссар Зверев. Политрук Шишкин, начальник АХЧ Тихомиров, начпрод Хрустолев... Все мобилизованные в Белозерске. Оттуда же санитары и лошади. Врачи – хирург Чернов и двое терапевтов, рентгенолог и аптекарша

из Ленинградской области. Медсестры – череповецкие. Тамара и Татьяна Ивановна – операционные из нашей больницы, знакомые.

Потом десять дней в воинском эшелоне, в товарных вагонах; на голых нарах. По несколько суток стоим на станциях. Извелись безделием и неизвестностью.

Было много времени для размышлений о хирургии. Перечитал «Топографическую анатомию», вспомнил все, что знал о ранениях...

Война идет, а мы не работаем. Хуже: у нас даже имущества медицинского нет. Где-то еще должны выдать. Все это убивает. Но особенно тягостны сводки.

Речь Сталина слушали на вокзале в Ярославле. Скорбная речь. «Братья и сестры...»

9 июля кто-то наверху, наконец, определил нам место. Быстро провезли через Москву, повернули на Киев и выгрузили на лужке около станции Зикеево, не доезжая Брянска.

Тут же вечером – бомбежка. Паника была страшная, все в соседний лес убежали, только к утру очухались. Итак, мы получили, выражаясь высоким стилем, боевое крещение. Да, две бомбы, несомненно, были. Пожалуй, можно считать, что «упали в нашем расположении». Раненых и убитых не было, но моральный дух, к сожалению, оказался невысок. Что поделаешь – нестрельные и необстрелянные. Тем более женщины.

Лежу на своем бушлате под кустом и размышляю о вче-

рашной бомбежке. Я, по честному, не ощутил страха. Нет, я еду на войну не для геройства. На черную работу для Родины, без фразы. Но попутно – хирургия. Наверное, это единственная военная работа, полезная и для мира.

Прервал меня дневальный из «штаба»:

– Товарищ военврач, начальник требует.

Что ему еще там понадобилось? Иду к другим кустам, где, знаю, расположился Хаминов с интендантами. Вижу рядом с ним незнакомого военного в гимнастерке.

– Инспектор санотдела армии, военврач второго ранга такой-то (фамилию не уловил).

И дальше – деловой разговор.

– Я привез вам книжечку, очень важную книжечку: «Указания по военно-полевой хирургии». Вот она, получите. В ней изложена наша единая доктрина.

Книжечка невзрачная, без переплета, малоформатная, но толстенная.

– Следующее: назначаетесь ведущим хирургом ППГ. Положение о ведущем хирурге вам, наверное, неизвестно... Или известно?

– Неизвестно...

– Ведущим хирургом назначается один из начальников Отделения, если их несколько, и ему предоставляется вся полнота власти в решении хирургических вопросов. Хаминову это не нравится.

– Еще – организация. Расстановка хирургических кад-

ров-врачей, сестер – это тоже дело ведущего.

– А что же тогда начальнику остается? Начпродом командовать?

– Общее руководство и организация.

Я вежливо молчу.

– Вы свободны, товарищ военврач.

Итак, серьезно о военно-полевой хирургии. Какая-то «единая доктрина»...

«Черт-те что! Читать „Указания“»? Нет, сначала приведем в порядок то, что известно.

Крымская война – Пирогов. «Севастопольские рассказы». Ранения пулевые и осколочные. Доктора в грязных мундирах второго срока зондировали все раны и обязательно пытались достать пулю. Результаты были ужасные: почти все раненые с повреждением крупных костей умирали от инфекции. Поэтому – первичные ампутации. Но и они не помогали. «Все равно – что так, что этак». Пирогов был в отчаянии. Может, от этого он бросил хирургию в пятьдесят лет и сделался попечителем?

Русско-турецкая кампания, 1878 г. Помню книжки Данилевского «Белый генерал», «Шипка». Преимущественно пулевые ранения. Тактика «не трогать» – это реакция на Крым. И лучше. Но уже были Пастер и Листер, уже антисептика и мирная хирургия обретали надежды...

«На сопках Маньчжурии». Позор России. Записки Вереяева. Борис Дмитриевич рассказывал как очевидец. В сущ-

ности – не было хирургии. Только вынужденные операции – ранения сосудов, отрыв конечностей. Уже была асептика, но никакой системы – эвакуация во чтобы то ни стало. Всех подряд и вместе. «Дренаж».

Германская 1914-го. Прогнившая система не могла организовать и хирургии. Почти то же, что и в японскую, – эвакуация прежде всего, на передовых пунктах – только гной: флегмоны, артриты, плевриты... О животе говорить не приходится – по-прежнему выживают лишь счастливики.

Между тем на Западе, особенно у французов, было не так. Начали с того же: «Не трогать». Быстро убедились – катастрофа! Масса осколочных ранений, загрязнение окопной землей – пошла газовая гангрена (газовая гангрена, газовая флегмона – быстро распространяющееся, вплоть до смертельного исхода, воспаление тканей в окружности раны, вызываемое анаэробными бактериями).[4] Но уже были работы Фридриха по хирургической стерилизации ран иссечением, как опухоли. И французы первые перестроились – ввели «профилактическую хирургию». Иссекать раны в первые шесть часов после ранения. Оперировать на передовых пунктах всех раненых со сколько-нибудь значительными ранениями! Иссечения ран. Лапаротомии. Операции на голове. Они добились результатов.

В гражданскую войну тоже не было настоящей хирургии, да и быть не могло. Врачи, впрочем, честно работали. Но где же думать об операциях, когда фронт меняется каждый день,

и дай Бог успеть увести ходячих раненых. Да и нечем было оперировать – туго было с бинтами и медикаментами...

Вот такие-то дела были у нас в военной хирургии. Ни опыта, ни традиций, умели только возить раненых на сандвуколах, на поездах, а чаще – на крестьянских телегах. «Терпеливый русский народ...»

Впрочем, нет, история нашей хирургии не кончалась на гражданской войне. Тогда она только началась. Отличные организаторы появились. Они создали санитарную службу Красной Армии. В последние годы довелось ее опробовать: Хасан, Халхин-Гол, Финляндия.

Бурденко – главный хирург. Надо думать, в деле, проверили военную советскую хирургию. Оттуда, наверное, и эти «Указания». Как жаль, что я не интересовался и не читал. В институте так скучно преподавали: БМП, ППМ, ДМП, ДГ (БМП – батальонный пункт медпомощи, ППМ – полковой пункт медпомощи, ДМП – дивизионный пункт медпомощи, ДГ – дивизионный госпиталь, ГЛР – госпиталь для легкораненых), а ППГ что-то и не помню – был ли он в схемах?

Займемся вплотную «Указаниями». С сознанием всей полноты ответственности. (Все-таки это здорово звучит – ведущий хирург!)

– Эй-й, товарищи! Грузиться!

Оказывается, переезжаем, – «передислокация». Этот военврач дал указания перебазироваться (тоже новое слово) в пустующую сельскохозяйственную школу, что в лесу с дру-

гой стороны станции Зикеево.

Школа оказалась подходящей. Несколько одноэтажных домов, сарай, навесы, кругом лес. Тут бы и раненых принимать можно. («Провалюсь с треском!»)

Разместили нас, как в вагонах: командиров, женщин. И отдельно – «рядовой состав».

Я забрался за дом, на бревна, и изучаю «Указания». Сказали: завтра будем проводить учения.

Очень интересное понятие «Единая доктрина военно-полевой хирургии». Это значит: все хирурги на всех фронтах должны лечить раненых одинаково, по этим самым «Указаниям». И тут регламентация... Значит, никакой творческой инициативы? «Делайте, как я»?

Нет. Дальше читаю разумное объяснение. Оказывается, регламентация нужна потому, что в большую войну хирургией занимаются в основном не хирурги, знаний у них нет, и от инициативы – одни потери. Может быть.

Содержание этой самой доктрины. Военно-полевая хирургия – это сочетание четырех видов деятельности. Эвакуация – по назначению – в то самое санитарное учреждение, в котором данному раненому будет оказана положенная ему помощь. Госпитализация – задерживание для лечения – от вида ранения, состояния раненого, оказанной помощи и от обстановки на фронте!

Хирургическая помощь – профилактическая хирургия. Самое важное – убрать пищу для микробов: размозженные

осколком или пулей ткани. Здоровые клетки микробов не боятся, за исключением особо «ядовитых». К таким относятся возбудители газовой флегмоны или гангрены, так называемые анаэробы – микроорганизмы, развивающиеся без доступа кислорода. Раз дело не в микробах, то можно и после шести часов обрабатывать – все равно будет польза. Можно и не иссекать, а только рассекать рану. И что самое главное – нельзя ее зашивать! Ни в коем случае. Это подчеркнуто в «Указаниях» несколько раз. Практика войны показала: в медсанбате иссекут рану, зашьют, эвакуируют, а пока раненый придет в госпиталь, где перевязка, – уже газовая, уже ампутировать нужно. А то и поздно...

О переломах ничего нового для себя не нашел. Иммобилизация (иммобилизация – обеспечение неподвижности раненой конечности с помощью различных шин или гипса) – шины, гипсовые лонгеты, мостовидные гипсовые повязки. Показаны те же уродливые конструкции, которые были в наших учебниках. Вот только в натуре я многих военных шин не видел. Особенно самую важную – шину Дитерихса (шина Дитерихса – транспортная шина для иммобилизации переломов бедра и крупных суставов, состоящая из двух деревянных планок, одна из которых идет от подмышки до стопы).

О ранениях живота – тоже ничего нового. Лечить, как и в мирное время. Сумею. Только оперировать нужно в первые шесть часов. Как их так быстро доставить, если армия отсту-

пает? Но не будет же отступать вечно... Череп должны оперировать нейрохирурги в спецгоспитале. Бурденко это раз-
делал хорошо – его главная специальность.

Грудь – туманно. Главное новое – отсасывать гемоторакс (гемоторакс – накопление крови в полости плевры, между легким и грудной стенкой, в результате ранения легкого). А насчет операций – осторожно. Только грудную стенку. Да, еще ушивать пневмоторакс (пневмоторакс – скопление в полости плевры воздуха, выходящего из поврежденного легкого и сдавливающего его). И то – до кожи! Не знаю, как. Однако основа всего – это сортировка. Впечатление, что раненых нужно все время сортировать. На эвакуацию, на госпитализацию, на перевязку, на операцию. Всюду – 1- и 2-я очереди. Все в зависимости от общего состояния, от ранения, сроков поступления, загрузки МСБ или госпиталя. И – прежде всего – от «санитарно-тактической обстановки».

После этого был еще один переезд – в г. Жиздру, где мы получили медицинское имущество и развернулись в летнем пионерском лагере. Раненых не было, но хорошо прорепетировали и подучились: повязки, шины накладывали, «Указания» прорабатывали. А где-то шла большая война – грустные сводки, бомбардировки Москвы...

* * *

4 августа мы вплотную подходим к фронту. Вечереет.

Впереди нас то ли туча, то ли сплошной густой дым – мрачно. Непрерывный гул артиллерийской стрельбы. Уже целые сутки мы его слышим. ППГ-2266 шагает на запад, «4-го августа к 18.00 развернуться в районе г. Рославль и принять раненых от МСБ». Этот приказ лежит в кармане у начальника.

Обоз, двадцать две пароконные подводы, уже движется из Жиздры шестой день. Спешим, боимся опоздать – осталось несколько часов до срока.

Штабная подвода впереди, рядом с нею шагает Хаминов в крагах. Я знаю, что у него расширение вен и он страдает, но впереди стрельба – и он должен идти первым. Комиссар сегодня сзади подстегивает, чтобы не растягивались, не отставали. Кони шагают споро, хотя позади – 180 километров за шесть дней, и телеги нагружены тяжело...

Мы идем пешком. Лишь несколько женщин, которые стерли ноги, стыдливо примостились на повозках. У некоторых туфли порвались, идут босиком – маленьких сапог так и не получили.

Моя база – телега операционной. Здесь же приписаны Лина, Лиза, Татьяна, Тамара, Зоя. Хороший народ в нашей компании. Побаиваются канонады, разумеется, но сомнений в правильности приказа не высказывают.

Я тоже думаю, что все правильно. Стреляют? Так это же война. Всю дорогу мы едем проселками: избегаем бомбежек и чтобы машины нам не мешали... Правда, кони уже

привыкли и не шарахаются в сторону, как вначале. В глуши перелесков мы не чувствовали войны, пока не услышали стрельбу... Даже сводок не знаем, радио у нас нет.

Уже привыкли к походу. Спим на земле – с вечера валимся, как подкошенные, а ночью просыпаемся от холода – чертовски холодные ночи на Смоленщине. Но шинель хороша! И теплые портянки тожегодились – на ночь я разуваясь и ноги в них завертываю. Пилотку тоже не снимаю – уши мерзнут.

В Жиздре кипятильник приобрели, поэтому кипяток есть два раза в день, а вечером – еще суп, если сон не сморит, пока Чеплюк варит, прислушиваясь к ночному небу, не летят ли там самолеты. Еда хорошая, только нерегулярная. Но сейчас не до желудка и не до ног. Впереди дым, стрельба явно усиливается. Ропот:

- Куда он нас ведет? Сусанин нашелся!
- Неужто не видит? Прямо в пекло!
- Где эти начальники, что встретить нас должны?
- Они давно сами смылись!..

Солдаты стали попадаться часто – в каждой деревеньке кто-нибудь есть. Не только обозы, но пушки и машины со снарядами. Раненых, однако, не встречали... Начальник послал собирать информацию. Сведения противоречивые.

- Бои в Рославле.
- Наши оборону держат километров десять западнее Рославля.

– Немцы прорвались – прут, страшное дело!

– Не видите, что ли? Горит Рославль!

Восемь вечера. Мы уже опаздываем. Начинает смеркаться. Подъезжаем к следующей деревне. Тут нам нужно на Варшавское шоссе поворачивать – хватит плутать по проселкам. Где-то на шоссе при въезде в город нас должен встречать представитель санотдела. На опушке леса артиллеристы устанавливают орудия, стволы направлены к дыму. В разговоры не пускаются – заняты. Только посмотрели удивленно.

Мы решительно поворачиваем на север и направляемся к шоссе. Стрельба, кажется, совсем рядом. Некоторые даже пулемет слышат, но я не разбираю. Уже слышен дорожный шум – трактора трещат, а может, танки. Машины идут почти непрерывно. До Рославля – 8 километров. Насыпь высокая, на шоссе с трудом взобрались. Выехали и выстроились на обочине. Только проехали метров сто – остановка. Эмка с щелевидными тусклыми фарами освещает группу: Хаминов высится, рядом поменьше – Зверев и еще один военный в фуражке. Я подхожу и слышу разговор:

– Покажите мне вашу карту и приказ. Хаминов открывает планшет.

– Поворачивайте обратно и поскорее уезжайте.

Замешательство. Молчание.

– Ну, что же вы? Командуйте!

Зверев:

– А как же приказ?

– Я вам приказываю. Полковник Тихонов из отделения тыла армии... Можете сослаться в санотделе. Ясно? Выполняйте!

– Слушаюсь.

Хаминов дал команду и сел в первую повозку.

– Ну, поехали!

И мы поехали. Да как! По асфальту легко, все забрались на телеги, повозочные взмахнули вожжами и – бегом, рысью, а где и в галоп!

Отмахали километров двадцать. Ни разу не остановились, лошади не хромали, колеса не ломались, возы не развязывались. Наконец, переехав реку Остер, мы свалились вправо от шоссе в реденький лесок. Не греем кипяtilьник, не раздаем даже хлеб и сахар – прямо спать.

Мы отступаем. Все дальше и дальше на восток. Сегодняшняя сводка: оставили Смоленск... Бои, надо думать, под Киевом, Умань и Белая Церковь уже упоминались.

Мы, ППГ-2266, тоже отступаем со всеми. После того как чуть было не отбили Рославль, дневали в бывшем сельхозтехникуме. Рославль, между прочим, был у немцев уже – его сдавали как раз в те часы, когда мы вышли на шоссе. Отступили в Сухиничи. Имеем приказ развернуться. Даже машину дали для переезда. Едем вдоль железной дороги мимо станции, нефтебазы, обсаженной тополями, и поднимаемся в гору. Там бараки. Начальник вылез из кабины.

– Посмотри, Николай Михайлович, неплохое место для

нас.

И вдруг: з-з-з-... Б-бах! И сразу еще, ближе: з-з-з-з-з... Б-бах!

Все ссыпались с машины, попадали, притаились... Нет, я не ложился, только присел, но голова втянулась в плечи, не удержал. Однако больше ничего не последовало. Только гул улетающего самолета и несколько запоздалых выстрелов зениток. Тишина и солнце. Мир. Вылезли, возбужденные и смущенные. Две воронки обнаружили метрах в ста, ближе к нефтебазе. Далеко от нас... Зря испугались. Пропал интерес к осмотру места. Хотя, впрочем, неплохое. Два ряда пустых одноэтажных бараков, коридорная система, большие комнаты.

– Можно разместить хоть тысячу!

– Можно-то можно, но ты смотри, какие соседи. Станция – раз, нефтебаза – два.

Начальник вытащил свою карту, и мы рассматриваем окрестности. Километрах в трех оказалась деревня Алнеры – дорога прямо отсюда, от бараков. Команда:

– Садись, поехали!

И вот, мы здесь. Посмотрели и решили: быть госпиталю! Деревня – это широкая балка с зеленым лугом, речкой, два ряда домиков по обоим косогорам. Просторно, вольно... В конце деревни на холме – начальная школа в большом яблоневом саду. Остатки фундамента, несколько старых сараев, низенький дом. Все обсажено двумя рядами старых тополей.

Школа пуста – каникулы. Четыре классные комнаты, учительская. Трогательные маленькие парты для первоклассников. На доске нарисована рожица. Где ты – мир?

Распланировали: для тяжелых раненых – классы, легких – в палатки под липами. Там же перевязочную. Баню, кухню – на улице. Штаб – в домике рядом. Персонал разместим в деревне. Разгрузились. Ожидаем обоз. Палатки, впрочем, поставим сейчас же.

Глава третья. ГЛР



Итак, мы приняли раненых. Мы работаем, мы воюем. Боже, как это, оказывается, трудно! А что мы? Всего лишь госпиталь для легкораненых. Мечты о сложнейших операциях на животе, на сосудах, к которым готовился, обдумывал, – все рассыпалось. Виноват я. Хаминов сказал: «Молод ты, начхир!» Мы вошли в ПЭП – полевой эвакуопункт. Состав: ЭП – эвакуоприемник и три ППГ. Все в Сухиничах. ЭП – на станции, ППГ – в разных местах, в школах преимущественно. Раненых привозят из дивизии на санлетучках, разгружают ЭП, сортирует. Тяжелых, главным образом нетранспорта-

бельных, развозят по госпиталям, где лечат и готовят к эвакуации. Ну, а нам – особая роль. До войны ГЛР [3] не было в штатах. Детище первых месяцев. Потери очень большие, пополнение затруднено, а солдаты с пустяковыми ранениями отправляются на Урал в общем потоке эвакуации и неразберихи...

Строчные генералы на медицину в обиду: «Что вы смотрите?» Вот и придумали ГЛР (госпиталь для легкораненых). «Категорически запрещается эвакуировать легкораненых за пределы тыла армии...», «Создавать специальные госпитали...», «Лечить легкораненых в условиях, максимально приближенных к полевым...» Это значит – никаких пижам, постельного белья: свое обмундирование, нары или на полу, на соломе... «Проводить военное обучение...» Для этого представили строчных командиров и политработников. Вот что такое мы, ГЛР. То есть пока мы просто ППГ на конной тяге, со своими штатами на 200 коек. Пока только приказ: «Развернуть ППГ-2266 – на 1000 легко раненых». Основная база – здесь, в деревне Алнеры. Выздоровливающих – в те самые бараки на косогоре.

Развернули – думали: такие мы – умные, опытные вояки! Сортировка – в широком школьном коридоре. Тут же – регистрация, введение противостолбнячной сыворотки. Потом их поведут под горку – к речке, где баню оборудовали и там же выкопали дезкамеру. Чтобы к воде поближе. Потом кормиться – навес из палаточных полов под липами. Кухня – ря-

дом, котлы, вкопанные в землю. Перевязочная – в ДМП-палатке – 3 стола. Угол отгородили для операционной. Должны же быть какие-нибудь операции!

Начальство нас инспектировало после развертывания. Приехал начальник ПЭПа и инспектор-хирург, очень штатский доктор. Мы уже матрацы набили соломой, застелили простынями – как в лучших домах. Но начальник распорядился по-своему:

– Не баловать солдат! Солому! Но вшей чтобы не было – ответите!

Инспектор вежливо заметил, чтобы предперевязочную поставили, а то у нас был вход прямо с улицы – без раздевания.

Мы с утра сидим в ординаторской – ждем. Вот-вот придут! Чуть ли махальщиков не выставили.

Врывается сестра:

– Привезли!

Три санитарные полуторки с крестами на зеленом брезенте полным-полны, раненые сидят на скамейках. Команда Рябова из приемного отделения помогает вылезать, ведут в школу, рассаживают. Вот они – солдаты, уже попробовавшие лиха. Прежде всего – уставшие. Щеки ввалились, небритые, грязные, большинство – в одних гимнастерках, шинелей нет. Некоторые – с противогазными сумками, но без противогазов. Разрезанные рукава, штанины. Повязки у большинства свежие, потому что в ЭПе смотрели раны, чтобы не заслать

к нам «непрофильных». Многие тут же засыпают, отвалившись к стене или прямо на полу.

– Что, товарищи, устали? Хмурые, недовольные.

– Устанешь тут... Сутки ездим с места на место...

– Были уже в поезде, так нет – выгрузка, перевязка. Везли бы в тыл – там бы и разобрались...

– Здесь будете долечиваться.

– Какое же тут лечение? Под самым фронтом... Самолеты, небось, бомбят?.. Отправляйте!

В углу коридора стол для регистрации. Документы передала сопровождающая – в пачках по машинам. Вот он, этот документ – карточка передового района. Я их только чистыми видел на картинках. Хорошая карточка, удобная.

Много мороки с регистрацией – взять карточку, вызвать по фамилии, в книгу записать, история болезни в ППГ положена – заполнить нужно ее паспортную часть. Набирается десяток – ведут в баню, в овраг. Иду и я посмотреть, что там делается в овраге.

Банька маловата, но используется предбанник, и скамейки поставлены прямо на луг, рядом. Воды много – горячей, холодной. Рябов молодец. Мочалок только мало. Тут настроение уже получше. Улыбки и даже шуточки. – Спасибо, товарищ военврач, за баньку! С запасного полка не мылся... Все причиндалы опарил.

С камерой, к сожалению, заминка. Сидит очередь в белых рубахах и подштанниках – надоело им ждать, поругивают-

ся...

– Есть охота! Веди нас прямо так, в портках...

Так и пришлось сделать – вести в портках. Благо, хоть тепло. Куча обмундирования накопилась около камеры – как тут разобраться потом? На многих бирках от пара расплылись карандашные надписи. В столовой, под навесом, солдаты сидят уже другие – повеселее, в свежем белье.

– Как в субботу, после покоса... Спиртику бы поднесли, медицина!

Но водка не положена.

Перевязочная работает вовсю. На столы ложить некого – все сидя перевязываются. Истории болезней тут же записываем. Опять очередь. Очень низкая пропускная способность, хотя все свободные врачи здесь. Мешают друг другу. По правилам военной хирургии раненых не нужно перевязывать без нужды, для того чтобы только «посмотреть и записать». Мы старались так поступать, но все же перевязывали лишку – у кого повязки намокли, у кого растрепались, кто сам просил... Такие все простые ранения... Какая уж тут хирургия! Подождать, не трогать – и заживет. Но я впервые видел раненых, и поэтому интересно. Наш профиль: сквозные и касательные пулевые ранения мягких тканей конечностей, маленькие ранки, под корочкой. Мелкоосколочные множественные, непроникающие слепые – областей туловища: груди, живота. Пишут: мелкие осколки до пяти миллиметров не нужно торопиться доставать. Если больше размер – ху-

же, может инфекция развиться, флегмона, а может и газовая.[2] Лучше такой удалить или рану рассечь по крайней мере. Опытный раненый с осколком в теле может меня надуть, как хочет. Будет жаловаться: «Болит!» – и я не знаю, так ли это, и возьмусь за него... Но они тоже неопытные – наши раненые. Тоже все по первому разу. Кроме того, я делаю вид, что этакий волк в своем деле. И шпала у меня выглядывает на воротнике из-под халата – не без умысла верхняя завязка не туго завязана. Вот один попался со слепым осколочным ранением бедра. Мягкие ткани, конечно. Ранка сухая, полтора сантиметра. Смотрю, диктую диагноз. Думаю, поправится за три недели.

– Наклейку! В палату номер три!

– Доктор! А у меня осколок-то вроде бы вот тут, под кожей, катается... Может, вырезать его надо?

– Ты прав, товарищ. Надо удалить его... Сейчас и удалим. Татьяна Ивановна! Готовьте операцию. Под местной анестезией. Он слушает внимательно. Вижу – боится.

– Это что – замораживание? Н-е-ет, доктор, я не дамси. Мне не стерпеть заморозки. «Нужно щадить психику раненых, травмированную во время боя». Поэтому местную анестезию не очень рекомендуют для войны.

– Хорошо. Посиди у входа, сейчас перевязки закончим и сделаем, как просишь. Через час мы закончили перевязки. Уже дело к вечеру.

– Теперь давайте оперировать! Тамара, наркоз! Татьяна

Ивановна, накройте столик, чтобы по всем правилам. Татьяна начала готовиться. Вымыла руки в тазике, надела стерильный халат. Я тоже. Сняли штаны с солдата. Он трясется мелкой дрожью, зубами стучит. Побледнел...

– Уж пожалуйста... Усыпите покрепче, боюсь я...

– Будь спокоен. Ложись.

Уложили. Тамара дело знает, приготовила маску Эсмарха, ампулу с хлорэтилом, роторасширитель, языкодержатель, тампоны. Смазала около рта вазелином. Поставила Канского около больного – руки подержать. Коля Канский – санитар-инструктор дельный. Маска наложена на рот, и струя хлорэтила направлена на нее.

– Считай!

– Раз, два... Ой, душит! Душит!

Раненый рванулся со стола, выдернул руку и сдернул маску. Лицо красное, глаза дикие, дышит тяжело...

– Не могу, доктора... Не могу! Душно мне!

Успокоили. Отдышался, улегся. На этот раз привязали – есть в укладках ремень...

– Давай больше струю, Тамара. Грей ампулу в руке.

Снова попытка – и снова неудача. Со стола не сорвался – привязан, но голову из маски выкрутил. Явно не уснет. Такая унижительная борьба...

Народ собрался около перевязочной. Раненые. Слух разнесся, что операция идет. Начальник пришел, халат надел. А тут – такой скандал.

– Давай эфир. Видно, эти раненые плохо спать будут. Перевозбуждены.

Снова успокоили, снова уложили, ремни подтянули. Эфиром быстро не усыпишь. Проходит пять минут, десять. Началось возбуждение. Снова вырывается солдат, бормочет что-то. Потом начал материться...

Наконец, кажется, затих. Мы смазали кожу, обложили стерильной простыней, я нащупал место осколка и чуть нажал скальпелем.

Он оказался тупым. Больно, а не режет. Тут мужик снова взвился, начал кричать, руки вырывать.

– Тамара, чтобы тебя черт побрал. Чернов, давайте наркотики!

Подошел начальник бочком. Шепчет:

– Слушай, Николай Михайлович, уже час прошел... Возьмись сам.

Да, именно так. Чувствую, краснею от стыда.

– Лина Николаевна, надень стерильные перчатки. Дайте мне хлороформ.

Опять идет время, пока хлороформ готовят. Слышу голоса снаружи:

– А ну, разойдитесь, чего собрались! Расходись!

Другой голос, ехидный:

– Как поросенка свежуют... Доктора!..

Мужик наш лежит и бормочет что-то несвязное. Не спит. Не подействовал эфир. Наконец, все готово.

Начинаю капать хлороформ. Считается, что это самый опасный наркотик, применять не рекомендуют. Опыта по введению наркоза у меня никакого. Может быть, в Архангельске в клинике пришлось дать пару раз эфир. Но я смело капаю: обязательно нужно, чтобы уснул. «Вот сейчас наступит остановка сердца... и...» Но другого выхода нет! – Расслабил мышцы! Можно начинать! Слава Богу!

– Начинайте, Лина Николаевна!

Разрезала, накладывает зажимы на все мельчайшие сосудики в подкожной клетчатке. Копаются, никак не найти осколка... Но вот он найден. Жалкий кусочек железа, меньше сантиметра. Окончательный гемостаз (гемостаз – остановка кровотечения во время операции), йод на кожу, повязка. Конец!

– Постой, Тамара, около него, пока проснется. Рвать будет... чтобы не захлебнулся...

Посторонние расходятся. Скандала не получилось. Люди любят смотреть скандалы, даже если не злы. И начальник ушел, не сказав ни слова. Остались хирурги. Подавленные, мы начинаем обсуждать первую операцию. Решаем: хлорэтил не подействовал из-за перевозбуждения психики – это и в мирной хирургии встречается; эфир – потому что маска мала по объему, нужна большая или полотенцем закрыть и лить больше, не боясь... Ну, а хлороформ подействовал, как и быть должно. Оскандалились, в общем, на первый раз...



Конец сентября. Осень подошла. Мы уже больше месяца работаем в Сухиничах. Наш фронт остановился. Даже больше – взяли Ельню. Маленькая станция и поселок Ельня, но это символ: «Наши тоже могут». Две недели почти постоянно была слышна канонада, и раненые все прибывали оттуда. В день штурма и взятия они поступили такие возбужденные, довольные – совсем не те люди. Что значит – победа... Немцы подошли к Киеву. Пришлось и его отдать. Все переживали утрату. Казалось, остановили! Но нет, пока нет... Обороняется Одесса... Ленинград, видимо, окружен, но крепко держится... Может быть, здесь остановят? Сводки как будто спокойнее... Намечается союз с Англией и даже Америкой... Мы живем с начальником в чистеньком домике. Он хороший человек – Хаминов. Доктор хороший. Любит, однако, порисоваться, власть любит, подхалимаж. Но все – в меру, как умный. Если сопротивляться, то уступает. Меня не притесняет по крайней мере.

Мы сильно разрослись. Сегодня на пятиминутке доложили – 1150 раненых! Правда, здесь, в Алнерах, – 420, остальные в батальоне выздоравливающих. Так мы называем нашу вторую базу – в тех самых бараках, куда мы приехали и где бомб напугались. Кроме школы, клуба, палаток, построили еще четыре землянки, на 50 человек каждая.

Вчера приезжал генерал – комиссар тыла фронта и дал нам за эти землянки, за то, что раненые на полу, без матрацев. Приказал ликвидировать Алнеры и организовать ГЛР в бараках. Очень ругал... Все правильно, только мы не виноваты. Впрочем, дело не в виновности.

Итак, мы почти приехали. Многих выписали в часть, и в Алнерах осталось человек сто раненых – только в школе и в клубе. На матрацах, на простынях, в стиранных штанах и гимнастерках... Госпиталь будет как игрушка. Бараки построенны два года назад для большого ФЗО. Есть баня и прачечная, столовая. ГЛР на тысячу человек и даже больше. Сейчас у нас семьсот пятьдесят. Один барак я выторговал под перевязочные, физиотерапию, парафин, ванны, физкультурный кабинет, лабораторию. Операционную хорошую сделали – будем раны иссекать для вторичных швов, асептика нужна...

Едем с начальником на двуколке. Он правит. Он любит это – править лошадю.

– У меня такая же таратайка в Устюге была...

Обсуждаем сводку: «Бои по всему фронту». Примеры героических подвигов... В газетах – декларация СССР, США, Англии о координации усилий... Очень важно – не одни. Заехали на хозяйственный двор, Хаминов отдал лошадь, занялся хозяйством. Я иду в перевязочный барак. Нужно посмотреть, как Канский автоклав устанавливает. Не дошел до автоклавной.

– Самолеты! Самолеты!

Замер: слышен мощный гул, такого еще не было. Двор уже полон народа – солдаты, сестры и санитары. Доктор Мишнев истошно кричит:

– Уйдите, уйдите в халатах! В щели!

Вот оно, настоящее. С запада в правильном строю движется на нас целая эскадрилья самолетов. Хорошо, что щели отрыты и бараки стоят не густо. Кричу:

– Врачи, сестры! Не прятаться, пока раненые не укрыты! Вывести всех из барakov! Впрочем, едва ли кто меня слушает и слышит. Самолеты почти подходят к краю нашего барачного поселка. За ним стоят зенитки. Вот они ударили – залп сразу из всех трех орудий. Белые облачка еще не достигли самолетов. Приближаются. Зенитки медленно поднимают стволы, стреляют навстречу почти непрерывно. Вот три передних самолета странно повернулись на крыло, застыли на долю секунды и вдруг ринулись вниз – прямо на батарею.

– Пикируют!..

Это Коля. Он встал рядом, на крыльце. Да, пикируют.

– Никогда не видал...

Три огромных хвоста земли взвились и закрыли зенитчика. И одновременно ударили звуки: визг пикировщиков, визг бомб, грохот взрывов... Вспомнил слово – ад. Не знаю, я представлял его иначе. Мелькнула картина... Мы, студенты, на первом обходе в психиатрии. «Буйные»... Огромная комната, маленькие окна с решетками, полутьма. Голые и полуголые тела. Много. Странные позы, телодвижения, выкри-

ки. Всклокоченные космы, безумные глаза. Ничего человеческого... То был ад.

Фонтаны земли осели. Храбрые ребята – эти зенитчики. Задрали свои зенитки почти вертикально и стреляют прямо навстречу следующей тройке пикировщиков. Опять визг, грохот, фонтаны... Уже не пикируют, к нам подходят – путь к станции через нас. Вот сейчас дадут... Взглянул: двор как вымело. С крыльца видно – в щелях лежат друг на друге, лицами вниз. Хочу спрятаться, исчезнуть. Колька смотрит на меня: испугаюсь? Нет. Но глупо стоять. Спокойно!

– Присядем, Коля, за крыльцо. Оно кирпичное.

Успели. Выглядываем: «Пронесло?» Вот отделились бомбы. 3-3-3-3-3-3... Б-б-а-х! Нет, не много.

– Мы не интересны. Станция...

Вылезли. Уже не опасно – последние самолеты над нами. Но сердце все-таки бьется. Держать фасон! Не заметно, чтобы Коля испугался.

– Высоко, метров тысячу... «Юнкерсы-88». Пикировщики.

Поселок пустой. Окна все выбиты. Пыль еще чувствуется в воздухе. Воронок не видно, наверное, за следующим баракком. Только бы не в щель... Но тихо, не кричали. Обходим барак вокруг, чтобы взглянуть на станцию и город. Расстояние до вокзала – около километра, станция под горой, видно все, как на ладони. Много путей – они забиты составами. Вот там действительно ад! Зенитки бьют, как сумасшедшие.

Самолеты идут в правильном строю, по три. Подлетая, сваливаются на бок и пикируют, выходят из пике и летят дальше – на город.

Сразу же за ними – следующая тройка. Над станцией сплошная стена пыли и дыма. Какие-то взрывы другого тона, не бомбы. В дыму не видно.

– Снаряды рвутся. Боеприпасы, – догадывается Коля.

Бросили десяток бомб на город и уходят к горизонту.

Городок маленький, зеленый... Фонтаны земли вырастали, как черные деревья... Звук взрывов доходил слабо и поздно – картина почти нереальная. Все затихло. Только видно, как горят вагоны на путях, изредка взрывается снаряд – удар короткий и не страшный.

– Пошли посмотреть потери.

Три большие воронки. Бомбы упали удивительно счастливо: разворотило угол барака, но там никого не было.

– Хорошо, что ходячие.

– Может, осколками в щелях?

Обходим ближние щели. Они еще заполнены, но уже слышны разговоры, некоторые стоят в рост. Даже смех слышен, но неестественный. Бодрятся. Спрашиваю нарочито бодро:

– Как, солдаты? Получили гостинцы? Есть потери?

Замечаю взгляды – одобряют. Нарочно хлат не мял.

– Ничего, товарищ доктор! Мы стреляные!

Троих все-таки поцарапало. Пустяки! Отправил их с Кан-

ским в перевязочную. Вдруг снова ударили зенитки. Крики:
– Возвращаются! Они возвращаются!
– П-о-о щ-е-л-я-м!
И так – четыре раза.

После второго началась паника. Раненые побежали в сторону Алнер, и остановить их не удалось. После третьего мы начали судорожно свертываться, грузить узлы на телеги и гнать в деревню. Два барака были сильно повреждены, пять человек легко ранены... Сейчас наш сад в Алнерах гудит, как пчелиный рой. Разговоры вертятся около немцев и окружения. Если верить солдатам, то ноги нужно уносить. Я не верю. Приказ был бы. Однако в пять часов на грузовике приехал незнакомый капитан и привез приказ эвакуироваться на Козельск, Перемышль, Калугу: немцы прорвали фронт в районе Кирова и уже перерезали дорогу. «Из раненых сформировать пешие команды. Тех, кто не может идти, везти на подводах. Никого не оставлять...»

* * *

Только закрутилась машина сборов – «Фамилия? Рота? Идти можешь?» – прибегает запыхавшийся мальчишка.
– Где тут старший доктор?
– Я старший. Что тебе?
– Эшелон с ранеными разбомбил немец! Побил – страшное дело!

– Где?

– А у разъезда. Крича-ат, страх!

– Проводишь на место, парень. Сейчас поедem.

Спросил начальника: можно ехать? Взял четырех санитаров, Канского и Тамару, несколько пар носилок, санитарную сумку, и мы поехали. Мальчишку посадили в кабину. Через четверть часа машина стала. Я огляделся сверху. Поле несжатой низкой ржи. Редкий кустарник, невысокая насыпь железнодорожного полотна. На пути стоят пять обгорелых классных вагонов с красными крестами на стенах. Еще несколько таких же свалились под откос. Около насыпи и на путях чернеют ямы от бомб. Остро пахнет горелой краской. Стелется редкий дым. Нестройные, слабые крики:

– Ой! Ой! Ой! Пи-и-ть! Пи-и-и-ть!

– Помогите. Помогите.

По всему полю, не густо, рассыпаны лежащие люди. Сначала кажется, что все неподвижны – трупы, но потом, приглядевшись, вижу: некоторые ворочаются, поднимают головы... Ага, увидели нашу машину – движение усилилось, приподнимаются, встают. Сколько здесь людей? Сто, двести? Сколько живых? Что мы можем сделать – горстка медиков? Стоп! Работать. Напоить нужно... Нечем. Не догадались. Помощь вызвать. Шоферу:

– Поезжай в госпиталь, вези бидоны с водой, вези санитаров, сестер, носилки, перевязку... шины... Да, сначала прямо к начальнику – расскажешь, что видел.

Машина уехала, а мы пошли к путям. Сначала нужно туда, к вагонам... Эти, что расползлись по полю, могут еще подождать, а там...

Страшная картина вблизи. В искореженных, обгорелых и тлеющих вагонах среди железных балок и перекладин зажаты люди... Нет, уже трупы... Даже трудно проверить – до некоторых нельзя добраться. Нужно резать железо. Изувеченные тела, кровь, почерневшая от огня, остатки повязок и металлических шин. Смерд от горелого мяса и краски...

Насыпь невысокая, к счастью. Некоторые вагоны только сошли с рельсов, другие свалились на бок тут же рядом. Видимо, скорость перед крушением была невелика. Паровоз неподвижно застыл метрах в трехстах. Там его накрыли при попытке уйти после крушения. Рядом с вагонами на лугу лежит десяток неподвижных фигур. Это те, что выбрались, но потеряли сознание и так остались лежать. Некоторые умерли за эти часы.... Дальше от путей, среди редких кустов полосы отчуждения и зеленого барьера, разбросаны раненые, пытающиеся двигаться, ожившие при виде нас, кричащие и стонущие. Еще дальше, во ржи, – лежащие и сидящие фигуры. Они тоже кричат, не разобрать слов, далеко. Что делать? Кому помогать? Как? Быстро нужно прикинуть. Время позднее – скоро сумерки... Самолеты-разведчики летают, и со стороны станции слышны взрывы. Дым на горизонте всюду.

Первое – нужно собирать в одно место, чтобы вывозить... Выбрать такое место, чтобы укрытие... И дорога. Осматри-

ваемся – вон там, недалеко от головных вагонов, лошадка луга, кусты уходят между полосами ржи в сторону от насыпи. От дороги недалеко – по полю можно проехать. Бежим туда с Канским – да, место подходит.

– Товарищи! Собирайтесь, кто может, поближе к кустам! Отсюда будем вывозить в госпиталь!

Послал двух санитаров – помогать тем, которые могут двигаться. Канского, Тамару и еще двух носильщиков взял с собой – оказывать помощь.

Пошли к полосе около вагонов – выбирать живых среди мертвых. На вагоны стараюсь не смотреть – там просто жуткие картины. Парень с разбитой головой. Видимо, просто выпал из вагона. Смотрю – пульса нет, дыхания нет. Мертв. Еще один «черепник» – без сознания, но дышит.

– Несите!

Унесли. Еще дальше – раненый с шиной Дитерихса, [6] странно подвернутой под себя, сломанной. Черное пятно под ним – кровь впиталась в песок, не растеклась. Глаза открыты.

– Живой?

– Пи-и-ить...

Пульса почти нет. Шок. Помню наизусть слова Пирогова: «С оторванной ногой или рукой лежит окоченелый на перевязочном пункте неподвижно; но не кричит, не жалуется, не принимает ни в чем участия; тело холодное, лицо бледное, как у трупа; взгляд неподвижен и обращен вдаль, пульс, как нитка, едва заметен под пальцами, с частыми перемеж-

ками...»

– Тамара, введи кубик морфия. Коля, укладывая с ребятами на носилки и несите на место сбора... Осторожнее!

Иду дальше, к следующей фигуре. Лежит, скорчившись, на боку. Обе ноги – в шинах Крамера (шина Крамера – транспортная проволочная шина для иммобилизации [5] плеча, предплечья, голени), до колена. Тоже живой. Двигнуться не может, нет сил. Опять шок. Странно.

– Доктор, в живот меня ранило... когда бомбили... силы потерял... выполз, а дальше – нет.

Понятно. Скомандовал: и этого нести, («Придется оперировать живот, лапаротомию делать... если доживет»). А когда ее делать? Вон их сколько... Законы военной хирургии: объем помощи – от обстановки. Так, чтобы максимум общей пользы. Это значит: если много раненых – не делать сложных и длительных операций. Помогать тем, кому помощь возможна и эффективна... Жесткие законы. А как иначе?

Еще несколько живых, шоковых, несколько уже умерших... Вижу, как к месту сбора сползаются те, кто может передвигаться. Санитары ведут хромых... Коля с Тамарой вводят морфий, укладывают на носилки, подбинтовывают повязки, накладывают новые... Бинты уже к концу подходят... Не рассчитали. Нужно еще снести к месту сбора тех, кого мы обработали.

– Николай Михайлович! Смотрите – машины идут...

Выпрямляюсь – да, замечательно! Идут три санитарные

полуторки и эмка. Видимо, начальство из ПЭПа едет. И помощь! Побежал им навстречу, машу рукой – сюда подъезжать... Из эмки вышли главный хирург Бочаров и еще незнакомые врачи со шпалами. В санитарках – медицина, носилки. Докладываю. Слушает внимательно и не торопит... Похвалил скупно:

– Правильно делаете. Здесь товарищи из других ППГ... Они возьмут на себя самых тяжелых... Потом дал инструкции, кому что и где делать. Четкие, исчерпывающие. Молодец, настоящий хирург!

Поразительно, что может сделать страх. Вот лежит сержант с двумя шинами Дитерихса... Он совершенно без сил, голова в песке повернута в сторону – только чтобы дышать... Руки выброшены вперед, судорожно вцепились в жиденький кустик ивы... Пульс приличный, только частит. Повернули его на спину. Глаза вытаращенные, дикие. Хрипит:

– Везите скорее... скорее. Он опять прилетит... всех уничтожит... три раза... три раза заходил...

Успокаиваю. Морфий ввели прямо в вену. Размяк. Глаза закрыл.

– Как же ты уполз так далеко?

– Уползешь... смерть-то, она... страшная...

Примерно каждый пятый ранен вторично, при бомбежке. Одни завязали себе раны чем попало, другие не смогли – не умели или нечем.

Большинство в одних гимнастерках и брюках с разрезан-

ными штанинами... Многие без обуви. Документы не у всех. Наша машина вернулась быстро. Приехало много народа – Чернов, Зоя, политрук Шишкин. Женщин-врачей, говорят, начальник не пустил: «Здесь обрабатывайте – больше пользы». Привезли все необходимое – воду, перевязочные пакеты, шины. Из других госпиталей тоже машины приехали. Большинство раненых – тяжелые. Были, говорят, и ходячие, но они поплелись вдоль полотна в сторону Сухиничей.

Мы едем домой с последней машиной, когда совсем стемнело. Везем последних раненых. Кажется, обшарили всю площадь, по обе стороны полотна. Некоторые уползли – почти за километр от дороги. Мертвых не собирали. Тяжело на душе из-за этого, но что же делать? Нужно думать о живых. Если бы сносить трупы или даже документы собирать – не хватило бы времени дотемна живых увезти. Утешаем себя тем, что завтра жители из соседних деревень похоронят или, может быть, боевые части...

* * *

В школе работа на полном ходу. Всех легкораненых вывели на улицу и в землянки, на носилках разложили и усадили вновь прибывших, более тяжелых. Оказалось, что привезли почти сто человек. Очень осложнилось наше положение в связи с этими ранеными. Хаминов даже проворчал, когда я пришел:

– Не мог еще побольше привезти? Есть другие, машинные госпитали... Ладно, ладно, не задирайся...

Это он увидел, что я сейчас взорвусь. Я ведь вспыльчив. Но твердо знаю – в пределах. Могу сдержаться. Сейчас – следовало нагрубить. Он отступил. Ну, и хорошо.

– Я должен заняться ранеными. Некоторых придется оперировать... Так что ты на меня не надейся при формировании рот и команд. Возьми Чернова за главного над ходячими...

Началась работа. Примерно так я ее представлял по «Указаниям». Сначала полагается сортировка. Мы с Любовью Владимировной прошли по палатам и бегло осмотрели и опросили раненых. Жетонов, правда, не раздали, но списки очередности составили – набралось около 40 человек, которых следовало обязательно посмотреть...

Теперь – в перевязочную. Перевязывают три врача – Лина, Лиза, Ковальская. Я оперирую, если нужно. Тамара обеспечивает наркоз. Вот они – настоящие раненые! Как жаль, что нет времени, я бы сделал им обработки!.. («Опять хвастаешь!») Но я знаю, как надо, и сумею! Вот положили на стол солдата с огнестрельным переломом плеча и повреждением артерии. Много крови потерял – переливание бы нужно, а у нас нет.

– Отнимать руку нужно, товарищ. Главные жилы перебиты.

– Что вы, доктор! Куда я без руки! На бабины хлеба?

– Все понимаю, но ничего не сделать. Смотри – мертвая она.

Синяя, не чувствует, и пальцы не работают. Подвигай пальцами! Он пытается двигать, и, странное дело, ему кажется, что может... Долго приходится уговаривать. Последний довод:

– С такой рукой тебя на эвакуацию нельзя направить. Заражение крови будет в дороге. Придется здесь оставить, в местную больницу отдадим.

– Немцам, значит?

– А что делать? Если не веришь и понять не хочешь.

– Режь, черт с тобой!

Делаю свою первую военную ампутацию. «Усечение по месту ранения». Осколок прошел в средней трети. Жгут, циркулярный разрез до кости большим ампутационным ножом. (Страшный нож, если незнающему показать!) После этого рука отвалилась по перелому. Щипцами держит ассистент торчащий неровный конец плечевой кости, и я отпиливаю его пилой. Перевязываю главные сосуды, усекаю нерв...

– Ослабьте жгут!

Ослабили под простыней, брызнула кровь из мелких артерий. Наложил зажимы, перевязал... Это заняло порядочно времени – надо, чтобы не закровило дорогой, а то умрет... Все. Повязка. Снимаю перчатки, пишу в карточку... Он еще спит. Натягивают на него, сонного, гимнастерку.

– Повязку не закрывай рукавом! Если закровит – чтобы

видно было...

Карточку засовываем в карман гимнастерки, застегиваем его на пуговицу. Решили, что лучше, если документы при них будут... мало ли что может случиться...

– Оперированных собирайте в одну палату. Посмотреть перед самой отправкой.

Уносят его. Первого калеку моего «производства»... Ли-на Николаевна делает обработку ран, разумеется, только тех, которые особенно плохи. Плохи – это значит большие, с рваными, ушибленными краями, с повреждением костей. Те, которые чаще всего газовую гангрену дают. Обработки самые необходимые – только рассечения. Это просто и быстро.

– На стол! Привязать! Тамара, морфий внутривенно и хлорэтил! Татьяна Ивановна – столик для обработки!

С двух часов ночи начальник стал нас торопить.

– Давай, начхир, кончай. Все уже готово к отправке пеших. Лежачих нам все равно не на чем везти...

Я поражен:

– А как же... оставлять здесь? А наши кони? – Нет... Делаем все, что можно. Зверев и Шишкин уехали по колхозам – подводы мобилизовывать... Ты же понимаешь, что на двадцати подводах нам не увезти и госпиталь, и раненых...

– Ты скажи честно: есть надежда на эти колхозные? Или ты меня утешаешь...

– Да, да, есть, конечно, надежда. Из нашего колхоза уже обещали, готовят. Да и свои подводы будут ждать, все вместе

отправимся. Имущество мне жалко, ты пойми... Помнишь, как добывали?

Как будто убедительно звучит. Он жестковат, начальник. Я уже слышал его указание: «Нетранспортабельных оставлять в больнице»... Но наши – транспортабельные.

Выхожу на крыльцо посмотреть на отправку ходячих. Ночь теплая и довольно светлая. Вся площадка перед школой шевелится, как муравейник. Разговоры негромки. Изредка блеснет огонек и сразу крики:

– Эй ты! Погаси!

– Жизнь надоела?

У выхода из школьного двора – пять подвод, нагруженных мешками и ящиками. На первой – сестра Нина с двумя санитарными сумками, сидит, дремлет. Устала. Чернов о чем-то хлопочет... Ему нелегкая миссия выпала – этакая орава... А если немцы налетят? Проверяю, взяли ли носилки, запасной материал, костыли, санитаров. Все как будто предусмотрел Чернов... А случись что – обязательно окажемся не готовы. Начальник вышел на крыльцо.

– К-о-м-а-н-д-а!.. Строиться! По четыре! Общее командование возлагаю на политрука Шишкина!

Серая масса зашевелилась. Странная это процессия... Разношерстные, в шинелях, фуфайках, в гимнастерках с разрезанными рукавами, с палками, с костылями, с повязками на руках, на голове, некоторые – в опорках, если ботинок не лезет... Построенные по четыре. Отправилось около шести-

сот человек. Больно было смотреть на них... Тридцать восемь километров до Козельска, а посадят ли их там в поезд? Как они дойдут хромые, слабые, сколько их дойдет? А что делать?

В шесть утра закончили перевязки и операции. Осталось у нас пятьдесят три раненых – половина лежачих. Прооперировали семнадцать человек. Три ампутации, одна перевязка лучевой артерии, остальные – обработки. Коридор опустел. Из палат слышны стоны, бред...

Начинаем укладываться. Так или иначе, надо уезжать... Раненые смотрят на наши хлопоты с опаской: не оставим ли их? Нет, не оставим. У нас машина и еще шестнадцать подвод. Если имущество бросить, можно всех взять. Смотрю, как девушки свертываются, пакуют ящики. Хорошо пакуйте. Где и когда еще будем разворачиваться?.. Немцы бросали листовки: «Сдавайтесь, через неделю Москва будет взята. Война проиграна!» Глупые листовки пишут.

В семь часов комиссар привел подводы. Много мужиков приехало, около полсотни телег. Всякие телеги, большинство – одноконные, с хомутами и дугами, истинно русские. Лошаденки, правда, слабые. Зверев: «Всяких брали, все кого-нибудь свезут».

Началась суতোлка погрузки. Я смотрю оперированных – как будто все в порядке. Температуру измерили, отметили в карточке, чтобы их посмотрели в первую очередь: газовая может начаться в любой момент. Боли еще должны быть при

этом, как в «Указаниях» пишут, но ничего, никто не жалуется. У кого, может быть, и болит, но терпят... Накладываем сена в телеги. Лежачих – по двое, к ним еще по трое сидячих. Мужики ворчат – тяжело. Ничего, не галопом поедете. На свои крепкие, проверенные телеги грузим имущество. Страшно много имущества появилось. Одеял, белья, подушек, продуктов. Обросли. Готовились зимовать на 1000 коек. Физиотерапию, ванны готовили... Все это к черту теперь... В девять часов обоз тронулся.

* * *

Уехали. Еще слышен скрип телег и говорок... Мы немного задерживаемся. У нас машина, мы еще должны подождать подводы, чтобы погрузить остатки имущества. Его еще немного осталось: продукты, палатки, одеяла и... физиотерапия.

Утро ясное и свежее. Мы с начальником сидим в саду на сене под яблоней. Падают желтые листья. Осень. Пора тоски. Странная пустота в голове. Будто кончилось что-то в жизни. Жалуюсь Хаминову.

– Это у тебя реакция после возбуждения. Поспи, пройдет.

– Не хочу спать...

– А я бы выпил сейчас... Хорошо бы выпил! Но нельзя. Немецкие бомбардировщики полетели с запада. Мимо. Сухиничи уже не бомбят, дальше целятся.

– Смотрите – наш! Куда он прется, один!

Вскакиваем, всматриваемся в небо. Сердце так и рвется – туда, помочь... Восемь бомбардировщиков летят на восток. Не быстро, не высоко, спокойно. Безразлично летят – просто долбить станции, дороги, не боясь ничего. Может быть, и санитарные поезда...

И тут – наш, родной «ястребок», И-16. Он один и мчит-ся прямо на этих... Один! Стреляет – видны трассирующие пули. Пролетел между ними... Задымился бы хоть один фашист, упал... Нет, летят. «Ястребок» повернулся, сделал петлю. Слышна стрельба. И опять ничего...

– Ну, улетай, что ты сделаешь один, улетай!

Это мы кричим, как будто он может услышать. Но он снова делает заход и прямо сверху пикирует на немцев. Снова короткая сильная стрельба – все они стреляют в него, в одного...

Нет, он просто ищет смерти! Он не вышел из пике. Загорелся, черный дым – и самолет падает где-то за холмами. Парашют не появился. Стоим, растерянные, потрясенные, слезы в глазах и даже, кажется, текут... Они пролетели над нами, как утюги, не нарушив строя... Будьте вы прокляты! Нет, никто не поднимал кулаков и не сказал этих слов, мы все не любим слов... Но каждый подумал, уверен. В голове вертится: «Безумству храбрых поем мы песню...» А может, это не храбрость, а отчаяние?

Глава четвертая. Опять дорога



Уезжаем вечером, когда уже начало темнеть. Начальник садится в кабину, мы все залезаем в кузов под зеленый брезент с красным крестом на белом круге. Никого он не защищает, этот крест. Фашисты не признают общечеловеческой морали. Все ли мы сделали правильно? («Ты – все ли?») Не все. Мне полагалось ехать с ранеными: с тем угрюмым солдатом без руки, с другими, у которых газовая возможна, а я согласился остаться с начальником. Плохо. Вон что сделал тот парень, летчик... Один на восемь. Пять заходов. «Безумству храбрых...»

Под брезентом темно, грустно. Призраки людей, лошадей, машин остаются позади. Так бы ехать и ехать, не думать ни о чем... Но думать нужно. Заботы... Как там сдали раненых? А вдруг Козельск тоже разбомбили? До Калуги – далеко... Да и Калуга...

Вспоминаю рассказы раненых о первых днях войны, об отступлении, когда за день – пятьдесят-семьдесят километров. Неужели и теперь это может повториться? Нет, не может быть! К Козельску подъезжаем часов в одиннадцать вечера. Темный, тихий городок, одноэтажные домишки... Вокзал вяло дымится, под ногами обломки кирпича, щепки... Все призрачно, замерло... Разыскали коменданта. Совершенно измученный человек, черный, охрипший, еле отвечает на наши расспросы. Все. Нарботались... Два часа назад отправили последний эшелон... Нет, всех не погрузили – не вошли... Да и времени не было. Думаю, что доедут... Мост через Упу уже проехали благополучно, его еще не разбомбили. Дальше на Тулу путь цел... Нет, не думаю, чтобы ночью поезд разбомбили... ПЭП? Не знаю... Поехали дальше – на Перемышль. Не может потеряться наш ППГ на конной тяге... Да, конечно, я должен был ехать с ними, с обозом. «Поздно сетовать».

Едем еще медленнее. Сидим с Тихомировым у самого заднего борта – боимся своих пропустить. Небо на западе все в сполохах. Стрельба от нас не отстает, кажется, что и впереди тоже... Десант?

Обоз догнали в большом селе Каменке... Он расположился на ночевку, съехал с дороги, и мы чуть не промахнули дальше.

– Ну, как? Ну, что?

Оказывается, оба обоза соединились в Козельске, недалеко от вокзала, часов в шесть вечера. Бомбежки. Санитарных поездов нет. На скорую руку собирают порожняк или выкидывают другие грузы и комплектуют летучки... Грузили туда только лежачих раненых – сколько войдет. Легкораненых не брали, те пешком в Калугу.

Утро 6 октября. Погода плохая. Выхожу на двор – снег везде. Вот тебе на! Вчера еще было сухо и довольно тепло. По деревне движение. Выдают сухой паек, кухня сготовила баланду. Поэтому все тянутся с котелками, с противогазными сумками к большому двору, где посередине возвышается походная кухня. Над ней, еще выше, Чеплюк с длинным половником... Часов в десять по улице прокричали посыльные:

– Выезжать! По коням!

Легкораненых собрали впереди. О строе уже не поминали, могут и «послать», все злые и усталые... И считать не стали. Обоз растянулся километра на два. Подводы перегружены, медицина идет пешком. Даже толстая аптекарша. Экипировка у меня теперь не то что в первый поход. Имею каску, плащ-палатку, полевую сумку. Ремень офицерский, с портупеей. Правда, без медной бляхи. Вчера даже планшетку «за-

имел» с целлулоидом на крышке – для карты. Санитары подарили – от раненых наверное. Эта вещь едва ли мне нужна – карты все равно нет...

Только вечером подъехали к Калуге, сдали раненых в городе. Двести двадцать человек... В общем, можно утешать себя при желании...

Ночевали мы всей нашей операционной компанией в хорошем домике. Соломы хозяйка принесла, рядом застелила. Но лучше бы мы на земле спали... Только бы не видеть горестного недоуменного взгляда, не слышать тяжелых упреков:

– Неужто немцы придут? Как же это вы допустили немцев до самого русского сердца?

Самое страшное – Москва рядом...

* * *

Третий день движемся по старой Калужской дороге. Было бы интересно даже, если бы не к Москве... Екатерининский тракт, широкий, обсаженный березами в два ряда с каждой стороны. Высокие мощные деревья явно состарились, но еще крепкие. С каждого хоть картину пиши. Несколько наезженных колеи – для телег, не для машин... По бокам, между деревьями, пешеходные тропинки... Листья не все опали, и, когда солнце подсвечивает, красиво... Задумчивая красота, славянская.

Утром 16 октября через Калужскую заставу въезжаем в Москву. При входе в город встретили батальон ополчения, идущий защищать Москву, длинная колонна по четыре в новых, еще не обмятых шинелях. Пожилые мужчины (иные – просто старые) с очень разными лицами, идут не в ногу. Без вещей. Наверное, еще и не ходили вместе. Интеллигенция, рабочие, освобожденные от военной службы по язвам желудка, болезням глаз, туберкулезу легких. Винтовки как-то странно торчат за плечами. После каждой роты – интервал. В последнем ряду справа шагают сестрички с санитарными сумками – в таких же новых шинелях и пилотках. Мне странно видеть Москву в ее новом обличье. Странно и страшно.

Народу мало. Магазины закрыты. Железные жалюзи опущены на витринах. Связываются пожитки, укладываются на тачки, на детские коляски. Кое-где грузятся машины – выносят из квартир разный скарб, кто-то даже рояль вытащил. Около него стоят женщины и смотрят с презрением. Некоторые уходят с узлами и котомками за плечами, ведут закутанных в шали детишек, тянут импровизированные колесницы...

Мы едем по узеньким, кривым улицам южной окраины. Они застроены одно- двухэтажными домиками, кирпичными и деревянными. В одиннадцать часов из всех рупоров раздались позывные, и было объявлено о речи секретаря ЦК, МК и МГК партии А.С. Щербакова. Мы выслушали ее на ходу. Щербаков объяснил сложность обстановки, создавшей-

ся на подступах к Москве. Опроверг ложные слухи: «...за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови». Мы вздохнули с облегчением. Проехали краешком Москвы на Рязанское шоссе и потянулись на восток, на Люберцы. Там будем ночевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.